

№ 170 (117) МАРТИН-СИРОТА

Когда-то, где-то в старые времена осиротел мальчишка. Отец сгинул где-то на войне, на чужой стороне, а мать умерла, но были еще живы дедушка с бабушкой. Забрали к себе мальчишку. Но не успел, как говорится, мальчишка подняться на ноги, как смерть пришла сперва за дедушкой, а потом забрала и бабушку. И пошёл мальчишка в чужие люди себе кусок хлеба зарабатывать от двора к двору, от села к селу. Жил у богатых мужиков, жил в лавочника, в мельника, и в попа, и даже в помещика. Где бы лето ни жил, а на зиму не оставляли: зимой-то малому работать нечего.

И всё время он на хутор к старухе приходил. Зимой ей воду таскал, дрова рубил и коровёнку кормил, поил, а старуха за это кормила и на печь спать укладывала: на полу-то холодно, нет одеяла, чтоб укрыться. А по весне сама старуха вновь его отправляла в люди кормиться, но просила, чтоб приходил.

Так мальчишка и дожил до тех годков, в какие в солдаты в те времена брали. Пришёл день в солдаты уходить. Пошёл на хутор, бабке и говорить:

– Бабушка, царю-батюшке в солдаты ухажу служить, нынче к зиме у тебе не быть. Пришёл дровишек тебе на зиму нарубить.

Нарубил старушке дров. Старушка ему в дорогу пирожок спекла и рубль дала и говорить:

– Отслужишь, придешь, может, меня и не найдешь, но всё равно приходи, потому как это твой зимний приют!

– Спасибо, бабка, – говорит Мартин, так его звали, – я же один! Меня только в этой избе ждали. Обязательно приду! А ты, бабушка, живи и жди!

И ушёл служить. А бабке не пришлось долго жить, вскоре умерла, даже дрова, которые заготовил Мартин, не пережгла. В соседнем селе в молодой вдове завалилась изба. Ну, как изба завалилась, вдова на хутор переселилась: изба-то ничейная, и земляца неплохая. Живёт себе да поживает. Работать, косить да пахать мужиков нанимаеть.

Вернулся со службы Мартин, идеть одинёшенек-один и гадаеть: если бабка жива, у няе поселюсь; а там присмотрю

бабёнку, да и женюсь, да и с женой рядом с бабкой поселюсь, помогать ей стану. А своего села не помнить, где родился, да и селяне давно о нём уже забыли.

К ночи до хутора дошёл, видить: огонёк в избе светится, рад-радёхонек, что старушенция живая! А когда постучал, ему открыла дверь не старуха, а молодая, да такая ладная! Без слова пустила Мартина поночевать, ужином угостила и спать на кровать уложила да еще и одеялом накрыла, о котором Мартин мог всю жизнь только мечтать. Понравилсь сходу вдове солдат, и решила вдова как-никак, а не упустить. На печь забралась сама и говорить:

– Ты не спишь, солдат?

А Мартин говорить:

– Нет, а что?

– Да я хотела спросить, далеко ли тебе до дому?

А Мартин ей и говорить:

– А я теперь бездомный: где буду работать, там мне и дом.

А про себя думеть: «Ты, окаянная, в моем-то доме поселилась и ни у кого не спросилась!» А вдова опять спрашивает:

– А из каких краёв в наши-то края пришёл?

– А я не помню, – Мартин говорить, – я совсем маленьким мальчиком сюда еще до службы забрёл, работал здесь вот в этих сёлах у мельника, у попа, у лавочника, да и так кое у кого в богатых.

Засобиралась вдова утром на село сходить, нанять покосить, а Мартин и говорить:

– Я тоже могу покосить, мне некуда спешить.

Вдова рада, косу Мартину дала, покос указала, а сама побежала, чтоб порасспросить, что за человек: если он здесь бывал, его должен знать и стар, и мал. Кое-кто, кое-что порассказали, а один мужик на вдову и говорить:

– Помню я сироту Мартина! Такой, как он, смоляную кобылу сложить, хвост, гриву приладить, да и сам верхом сядить! С таким не пропадешь, если в мужья возьмешь!

Идёт домой вдова и радуется. Народ-то в те времена глупый был: тот мужик о смоляной кобыле пошутил, а вдова

думает, что всё в самом деле, можно смоляную кобылу сложить! Нечем купить, а не то каждую весну нанимать яровое поле пахать, а летом озимь тоже надо просить да платить. Уговорила вдова Мартина. Остался тот с ней жить.

Покосились, стали рожь жать. Пожали. Приглядел Мартин на подворье два старых колеса, починил, таратайку* какую-никакую сделал и давай рожь с поля на ней возить. А вечером вдова и говорить:

– А что это мы, Мартин, на себе возим?

– А на ком же возить, кто сейчас лошадь одолжить?

– А на смоляной кобыле что? только верхом ездить, а не возять?

Засмеялся Мартин и говорить:

– А где она-то, твоя смоляная кобыла?

– А ты, – говорить вдова, – сложи!

Легли спать. Мартин и думать забыл, потому что не бывает смоляных кобыл!

Наутро взял свою таратайку* Мартин и пошёл снопы возить с поля один. А жена чем-то по дому занялась. Пришёл на ржаное поле, смотреть – такая красавица-кобылица стоит!

– Ну, чья ты такая, заблудилась? – Мартин говорить.

А кобыла в ответ:

– Твоя смоляная! Бери вот меня, хоть запрягай, хоть верхом садись!

Поклонился Мартин кобыле, как в церкви перед иконой, в самую землю лбом стукнул. И говорить:

– Спасибо тебе, что ты явилась, меня выручила!

А кобыла говорить:

– Не мне спасибо скажи, а тому, кто твою жену обсмеял*, а жена тебе сказала! А меня бабка послала.

Мартин-то не подозревал, что та бабка, что в етом хуторе жила, волшебница была.

– Ну, раз тебя послала бабка, то пухом ей земля, царство ей небесное! Памятник я ей поставлю не хуже, как господам!

– А денег-то ты где, горемыка, возьмёшь?

А Мартин и говорить:

– Тот рубль храню, что мне бабушка в дорогу давала, да хлеба продам, как помолочусь, а обестил* – расплачусь!

Свалил всю рожь в таратайку, кобылу запрег и привез.

– Ну вот, Авдотья, тебе и кобыла смоляная, раз уж ты просила!

А кобыла и говорить:

– Да ты скажи жене своей, чтоб она никому обо мне не говорила, а то не ровен час, уйду от вас!

Но Авдотья не слыхала, что кобыла сказала, слышал Мартин один. Вечером на Авдотью и говорить Мартин:

– Если не хочешь жить без меня и без кобылы, то никому не рассказывай. Кобылу-то ету я украл, ее отнимуть и меня в острог отправять!

Авдотья и говорить:

– Красть-то нехорошо, но буду молчать!

– Если что, сказывай: купили, и всё тут!

С поля убрались. Стали к Рождеству всё в избе убирать.

Авдотья и говорить:

– Мартин, вот етот сундучишко старухин только мешасть, а мне его не вынести и не открыть. Что в нём там такое тяжеленное лежить?

– Ладно, вынесу!

Пошла Авдотья корову доить, а Мартину жаль старухину память выносить. Подошёл к сундуку, а сундук сам открылся: полным-преполным золотых! Мартин так и обомлел! Никогда в жизни такое богатство не видал. Набрал денег в карман, чтоб памятник старухе заказать. А сундук велел Авдотье самой лучшей скатертью закрывать: и не будет мешать. Авдотья не могла открыть, а Мартин не хотел говорить, что в нём.

Можете себе представить, как жил Мартин с Авдотьей тем сундуком!